

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

362-е заседание • 5 октября 1948 года

№ 114

ПАЛЭ ДЕ ШАЙО, ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ

Триста шестьдесят второе заседание

	Стр.
1. Предварительная повестка дня	1
2. Продолжение обсуждения вопроса об утверждении повестки дня	1

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Состоялось во вторник 5 октября 1948 года
в 3 ч. дня в Палэ де Шайо, Париж.

Председатель: Хуан Атилио БРАМУЛЬЯ
(Аргентина).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

1. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 362)

1. Утверждение повестки дня.
2. Идентичные уведомления от 29 сентября 1948 г., представленные Генеральному Секретарю правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики (S/1020 и S/1020/Add. 1).

2. Продолжение обсуждения вопроса об утверждении повестки дня

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Я хочу сделать лишь несколько кратких замечаний по вопросу процедуры, в обсуждении которого мы приступили на вчерашнем заседании [361-е заседание]. Я хотел бы уточнить позицию моей делегации в отношении следующих пунктов.

Прежде всего, я хотел бы сделать оговорку относительно мнения высказанного представителем Бельгии.

Не собираясь идти так далеко, как пошел представитель Бельгии, и не считая, что, быть может, каждый вопрос, предложенный к внесению на повестку дня, должен быть включен в нее, делегация моей страны всегда считала и утверждала, что как только по какому-либо вопросу возникают прения, целесообразно прежде всего включить этот вопрос в повестку дня. Но даже в случаях, когда компетенция Совета оспаривалась, мы всегда придерживались того мнения, что правильным методом работы и, в сущности, методом, отвечающим здравому смыслу, было включение этого вопроса в повестку дня впредь до его обсуждения; в противном случае, происходит то, что мы наблюдали вчера, а имен-

но — в течение целого заседания мы обсуждали вопрос, не включенный еще в повестку дня. Такое положение, разумеется, не нормально, и нам кажется, что в целях упорядочения нашей работы и процедуры, Совет Безопасности должен следовать какому-либо другому методу.

Между прочим, я хотел бы напомнить, что недавно, при рассмотрении жалобы Хайдаррабада против Индии [357-е заседание], мы постановили, что вопрос о компетенции Совета, который также был тогда поднят, мог быть полностью оставлен в стороне, и мы включили этот вопрос в повестку дня, с тем чтобы обсудить его в дальнейшем совместно с вопросом о компетенции Совета. Я считаю, что такой порядок представляется наилучшим.

Я не хотел бы, однако, усложнять задачи Совета, возвращаясь к этому пункту, и поскольку мы приступили к обсуждению вопроса о компетенции Совета в отношении жалобы по поводу Берлина, я полагаю, что лучше всего было бы покончить с этим вопросом. Я кратко изложу, поэтому, точку зрения нашей делегации относительно возражений, сделанных недавно г-ном Вышинским [361-е заседание].

Я, разумеется, с большим вниманием выслушал замечания г-на Вышинского; мне кажется, что можно определенно разделить приведенные им доводы на две различные категории.

С одной стороны, он говорил о недопустимости этого вопроса, выдвигая довод, основанный на статье 107 Устава. Но был выдвинут и другой довод. Г-н Вышинский заявил, что вопрос этот не должен быть включен в повестку дня, лишь потому что мы утверждаем, что существует угроза миру, так как на самом деле никакой угрозы миру не существует.

Трудно, мне кажется, оспаривать, что обсуждение вопроса о том, существует ли угроза миру, является всецело, по своему характеру и цели, обсуждением вопроса существа. Только путем рассмотрения представленной ему жалобы по существу Совет сможет решить, существует ли угроза миру. Поэтому я не думаю, что это действительно вопрос допустимости обсуждения, и я, со своей стороны, оставляю за собой право представить свои соображения по этому вопросу в более поздней стадии работы Совета Безопасности.

Другой довод, вопрос о допустимости, основан на статье 107. Я скажу только несколько слов по этому вопросу, так как я смогу лишь повторить или представить в несколько измененной форме те доводы, которые уже выдвигались раньше.

Текст статьи 107 Устава вполне ясен. То, о чем эта статья говорит, и то, что она исключает из компетенции Организации согласно Уставу, — это действия, предпринимаемые, как говорится в статье, «...в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав».

Жалоба, которую мы представили Совету, не касается действия, предпринятого в отношении Германии. Она касается ряда мероприятий, которые были проведены советскими властями в Германии в отношении других оккупируемых держав.

Здесь уже упоминались подготовительные работы, предшествовавшие составлению этой статьи. Они подтверждают, что статья эта должна толковаться не так, как ее толкует г-н Вышинский. Следует также напомнить, что во всех законодательствах, во всех правовых системах мира принято рассматривать положения, устанавливающие какие-либо исключения, как юридический текст, подлежащий ограничительному толкованию.

Это правило применяется, разумеется, и к Уставу, и я сказал бы даже, что оно тем более применимо к Уставу в тех случаях, когда речь идет об исключении, относящемся к компетенции такого органа, как Совет Безопасности, задачей которого является поддержание всеобщего мира.

Но по моему мнению, нет надобности ссылаться на подготовительную работу по составлению Устава и напоминать о юридическом правиле, о котором я только-что говорил. Самый текст статьи 107 устанавливает, как мне кажется, совершенно ясно и недвусмысленно пределы предусматриваемого в ней исключения. Повторяю: положения компетенции или процессы Устава не применимы только к мерам, принимаемым в отношении бывших вражеских стран.

Вот, что я хотел сказать о чисто процедурной стороне обсуждавшегося нами вчера вопроса. Добавлю только еще несколько слов.

Г-н Вышинский заявил нам, что положение, создавшееся в Берлине, не представляет собой угрозы миру. Я хотел бы, чтобы он полностью развил эту аргументацию и дал подробные объяснения Совету Безопасности. Но для этого нужно, чтобы прения по вопросу, который мы хотели передать на рассмотрение Совету, были полностью развернуты, и я должен сознаться, — если такова аргументация представителя СССР, — что мне не совсем понятно, почему прилагаются такие усилия, чтобы с самого начала не допустить этот вопрос к обсуждению и почему с самого начала противятся включению его в повестку дня.

Вот замечания, которые я хотел сделать в этой стадии прений. Я оставляю за собой право взять слово по этому вопросу позднее.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): К порядку ведения заседания: я сказал вчера, что если будет производиться одновременный перевод на английский язык, то, что касается меня, я готов отказаться от последовательного перевода на английский. Но я являюсь представителем лишь

одной из делегаций, говорящих на английском языке. Если другие делегации, говорящие на английском языке, согласятся, я предложил бы не давать последовательного перевода на английский язык в тех случаях, когда делается одновременный перевод на этот язык.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я вполне согласен с предложением представителя Соединенного Королевства. Я лишь хотел бы указать, что моя делегация оговаривает за собой право просить о последовательном переводе на английский язык в тех случаях, когда это представляется необходимым.

А. МАКНОТОН (Канада) (*говорит по-английски*): Я вполне согласен с представителем Соединенных Штатов. В данном случае моя делегация охотно откажется от последовательного перевода на английский язык.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): В соответствии с желанием, выраженным представителями Канады, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, на заседаниях, посвященных этому вопросу, больше не будет делаться последовательных переводов на английский язык.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Мы потратили вчера больше трех часов [361-е заседание], обсуждая существо вопроса, но не утвердив повестки дня. Если я не ошибаюсь, представитель Бельгии взял вчера слово к порядку ведения заседания и попросил Председателя поставить на рассмотрение прежде всего вопрос об утверждении повестки дня.

Правило 30 временных правил процедуры гласит:

«Если какой-либо представитель поднимает вопрос о порядке дня, Председатель немедленно объявляет свое заключение. Если оно оспаривается, Председатель передает свое заключение на рассмотрение Совета Безопасности для немедленного принятия им решения; заключение Председателя остается в силе до его отмены».

Я не знаю, почему Председатель не объявил вчера своего заключения по вопросу о порядке ведения заседания, поднятому представителем Бельгии; это могло бы сократить прения, которые продолжались так долго без голосования по вопросу об утверждении повестки дня. Из правила 9 временных правил процедуры ясно следует, что прежде всего должна быть утверждена повестка дня.

Есть кое-какие спорные пункты в вопросе об утверждении повестки дня и в вопросе о компетенции, а именно: должно ли решение по вопросу о компетенции предшествовать утверждению повестки дня, или же утверждение повестки дня должно обуславливаться решением по вопросу о компетенции.

Этот вопрос никогда не поднимался в Совете Безопасности. Я не помню ни одного случая в нашей работе в Совете, в котором возникал вопрос, касающийся компетенции и утверждения повестки дня. Хотя процедура и порядок голосования в Совете Безопасности совершенно исключены, вопрос этот остается неясным в наших правилах процедуры. Но если мы заглянем в

правила других подобных учреждений или органов, мы убедимся, что утверждение повестки дня не исключает возможности прений или оспаривания компетенции данного органа в определенных вопросах. Утверждение повестки дня означает согласие Совета Безопасности или суда рассмотреть представленный им вопрос. В судах вопрос принимается к рассмотрению, обсуждается, а затем подсудимый имеет полное право возбудить вопрос о компетенции суда и оспаривать компетенцию суда. После этого суд решает, является ли он компетентным, но делает он это только после рассмотрения и обсуждения этого вопроса.

Если г-н Вышинский думает, что утверждение повестки дня мешает ему воспользоваться своим правом оспаривать компетенцию Совета, то, мне кажется, он ошибается. Я полагаю, — не знаю прав ли я или нет, — что утверждение повестки дня не исключает права оспаривать компетенцию и что вопрос о компетенции — это один из первых вопросов, возбуждаемых подсудимым, если он считает, что суд или орган, на рассмотрении которого находится его дело, не является компетентным. Затем должно быть принято соответствующее решение.

Вчерашние прения касались исключительно вопроса о компетенции и базировались на статье 107 и других статьях Устава. Я не собирался принимать участие в этих прениях до утверждения повестки дня, но теперь я вижу, что большая часть аргументов за и против по вопросу о компетенции была уже представлена. Кроме того, эти аргументы подробно и всесторонне обсуждались большинством членов Совета, и создалось впечатление, что они желают, чтобы одновременно с голосованием вопроса об утверждении повестки дня голосовался вопрос о компетенции. Если это так, то мы должны всесторонне обсудить вопрос о компетенции, прежде чем мы утвердим повестку дня, хотя это и не является обычным порядком в органах, подобных нашему. Поэтому, я думаю, что было бы лучше сначала утвердить повестку дня, а затем перейти к обсуждению вопроса о компетенции, поднятого г-ном Вышинским.

Поскольку мне уже предоставлено слово по этому вопросу, я хотел бы высказаться, как и другие представители, по вопросу о компетенции Совета Безопасности в данном вопросе. Если мы постановим, что вопрос этот входит в нашу компетенцию, это не будет означать, что мы решили, что угроза миру существует или не существует и что СССР или какое-либо другое государство ответственны за создавшееся положение. Эти вопросы должны обсуждаться позднее, после решения по вопросу о компетенции.

Первый вопрос, который должен быть решен Советом Безопасности, — это вопрос о компетенции Совета. После того как мы докажем, что вопрос этот входит в нашу компетенцию, и после того как мы его проголосуем, мы сможем перейти к обсуждению других более детальных вопросов.

Статья 107 Устава, которая здесь цитировалась, гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия...», действия, как они здесь определяются, «...в отно-

шении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав...».

Мы должны рассмотреть создавшееся положение, блокаду, которая лежит в основе всех обвинений. Проводится ли блокада в отношении только одной части города Берлина? Рассматривается ли это действие как направленное против Германии? Или же — я пойду дальше — как действие, направленное против жителей Берлина? Если бы западные державы, Соединенные Штаты и Соединенное Королевство не находились в Берлине, проводил бы СССР эту блокаду против населения Германии? Я считаю, что эта блокада не направлена ни против Германии, или против определенной части населения Берлина. Блокада эта проводится из оппозиции к другим партнерам по оккупации города Берлина. Помимо населения Берлина, там находятся лица, являющиеся гражданами союзных держав, и блокада распространяется на всех этих лиц. Эта мера политического характера, направленная против союзников, и союзники возражают против нее из-за своих обязательств в Германии.

Далее в статье 107 сказано: «предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами». Я хочу обсудить слова «несущими ответственность за такие действия правительствами». Я не знаю, считает ли себя СССР ответственным за такие действия. Несет ли Советский Союз ответственность за блокаду Берлина и за обречение его на голод? Вытекает ли эта ответственность из второй мировой войны? В выступлении г-на Вышинского я не слышал ничего о том, что блокада проводится против Германии, или о том, что СССР является ответственным или взял на себя ответственность или уполномочен взять на себя таковую в результате второй мировой войны.

Можно ли считать результатом последней войны то, что одна из ответственных за оккупацию держав может предпринимать действия или демонстрации, например блокаду? Я не знаю, будет ли этот вопрос обсуждаться позднее и когда этот пункт будет разъяснен, но применимость статьи 107 к данному случаю не представляется мне очевидной.

Я слышал и другие аргументы относительно нарушения соглашений, заключенных в Потсдаме или в других местах, но — это другой вопрос, который следует рассматривать отдельно. Пока же, я ограничивался вопросом применимости статьи 107, и данный мною анализ имеет целью показать, почему я не могу понять, как эту блокаду можно подвести под положения этой статьи или считать ее совместимой с нею, — как будто СССР имел право принимать такие меры. Как я уже сказал, другая сторона этого вопроса будет рассматриваться позднее, когда речь будет идти о том, применима ли в данном случае статья 107. Я придерживаюсь того мнения, что она не применима. Это все, что я хотел пока сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-испански): Прежде всего следует рассмотреть и разъяснить сделанные замечания.

В самом деле, в правиле 30 сказано, что Председатель объявляет свое заключение, когда какой-либо представитель поднимает вопрос о порядке ведения заседания. Я не объявил немедленно своего заключения по вопросу, поднятому представителем Бельгии, по той причине, что хотя он и поднял вопрос о порядке ведения заседания, он не поставил его в конкретной форме. Он лишь привел формальные аргументы, которые мы все понимаем и должным образом оцениваем, но на основании которых я не могу объявлять своего заключения, так как такие выступления не являются формальными предложениями.

Вот, что я хотел сказать по вопросу о строгом применении правила 30. Я хотел бы, однако, указать на то, что в прениях такого характера и такого объема, когда речь идет об интересах всего мира, нельзя применять строгие и точные правила, ограничивающие свободу слова членов Совета Безопасности.

Я даю эти пояснения, хотя я и понимаю, что представитель Сирии уточнил этот вопрос, строго придерживаясь временных правил процедуры. Эти правила, однако, требуют иногда более широкого толкования, что также относится и к конкретным предложениям по вопросам порядка ведения заседания. Я считал абсолютно необходимым уточнить этот вопрос.

Если никто из представителей не желает взять слова, я поставлю на голосование первый пункт, а именно, утверждение повестки дня.

Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик):¹ Вчера [361-е заседание] в своем выступлении американский представитель повторил нелепые обвинения о так называемой блокаде Берлина, о насильственных действиях советских властей в Берлине и так далее. Уже вчера мы указывали на ряд фактов (известно, что факты красноречивее всяких слов), доказывающих, что в Берлине никакой блокады со стороны советских властей нет, никакой угрозы голода нет, что вообще нет ничего подобного тому, что так старательно пытался вчера здесь изобразить представитель Соединенных Штатов Америки.

Между прочим, в своем увлечении он заявил, что будто бы советская сторона сама признает, что берлинская блокада явилась ответом с ее стороны в отместку, как сказал г-н Джессеп, за мероприятия со стороны западных держав в западной зоне Германии. Это, конечно, явное измышление. Все эти необоснованные и голословные заявления — и часто, как мы видим, такие, которые приписываются представителям Советского Союза, хотя они ничего подобного этим заявлениям не делали и не говорили, — являются ни чем иным, как ложным приемом пропаганды, преследующей свои цели и ничего общего не имеющей со стремлением урегулирования ряда еще неразрешенных вопросов. Поэтому всякому

непредубежденному человеку должен быть ясен специфический характер вчерашнего выступления представителя Соединенных Штатов Америки.

На такого рода необоснованные и нелепые заявления советское правительство уже дало убедительный ответ в своей ноте от 3 октября, и поэтому я не вижу никакой необходимости дальше останавливаться здесь на этом вопросе и заниматься повторением тех фактов, которые надлежит считать уже установленными.

Наиболее существенной частью вчерашнего выступления г-на Джессепа была попытка доказать правомерность внесения берлинского вопроса на рассмотрение Совета Безопасности ссылкой на статью 107 Устава. Ввиду отсутствия достаточных аргументов у инициаторов внесения берлинского вопроса в Совет Безопасности, — как это вчера совершенно явно было продемонстрировано выступлением представителя Соединенных Штатов Америки и Великобритании, — они сделали попытку увести нас от обсуждения вопроса относительно включения или невключения в повестку дня Совета Безопасности берлинской проблемы на путь враждебной Советскому Союзу пропаганды. Именно этим можно объяснить такое совершенно необоснованное заявление, которое было сделано американским представителем, что, якобы, советское правительство отказывается от механизма мирного урегулирования, установленного Объединенными Нациями, и будто бы советское правительство отрицает, что Объединенные Нации являются органом, к которому народы должны обращаться за помощью в поддержании международного мира и безопасности. К такому заявлению нельзя отнестись серьезно, нельзя его принять всерьез, потому что нельзя же игнорировать такой факт, как то, что советское правительство предлагает берлинский вопрос передать на рассмотрение Совета министров иностранных дел, который, как известно, и был создан в качестве инструмента для мирного урегулирования вообще с бывшими вражескими странами и в том числе с Германией.

Я еще раз должен напомнить, вследствие странной забывчивости в этом отношении моих оппонентов, что мы имеем ряд международных соглашений, которые были заключены в Лондоне.

Я имею в виду согласованные решения Европейской консультативной комиссии в 1945 году.

Я имею в виду решения, принятые в Ялте и Потсдаме: это такие исторические решения, которые определили основные экономические и политические принципы, установленные великими державами в отношении Германии на весь период, следующий за ее безоговорочной капитуляцией, а также ряд соглашений, заключенных в Берлине между четырьмя державами по поводу оккупации зон Германии. Все эти международные соглашения, которые с полной неопровержимостью устанавливают, что вопросы послевоенного мирного урегулирования с Германией, согласно международным соглашениям и договоренности великих держав, относятся к компетенции Совета министров иностранных дел.

К сказанному добавлю лишь, что сам Совет министров иностранных дел является инструментом мира и безопасности. Разграничение его ком-

¹ В текст настоящего выступления внесены исправления, представленные делегацией СССР к первоначальному тексту стенографического отчета. Что касается французского и английского переводов, то эти исправления были получены слишком поздно для внесения их в текст и поэтому были напечатаны в виде отдельных приложений.

петенции от компетенции Совета Безопасности идет вовсе не по той линии, по которой это разграничение намечают представители Соединенных Штатов Америки или Великобритании. Они ошибочно утверждают, будто один из этих органов является инструментом мира, а другой не является инструментом мира и безопасности.

Разграничение должно идти по совершенно другой линии, и вот это обстоятельство и нашло свое отражение в частности в статье 107 Устава Организации Объединенных Наций.

Я должен сказать также, что не только Совет министров иностранных дел, но и созданный для Германии четырехсторонний контрольный механизм также является инструментом обеспечения мира и безопасности. Я позволю себе напомнить, что в Декларации о поражении Германии и о взятии на себя четырьмя оккупирующими державами ответственности за управление Германией, в Декларации, подписанной четырьмя великими державами в июне 1945 года, — прямо указывается на то, что при осуществлении верховной власти в отношении Германии, принятой на себя правительствами СССР, Великобритании, США и Франции, четыре союзных правительства будут принимать такие меры, какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности, включая полное разоружение и демилитаризацию Германии, — меры, являющиеся, надо сказать, наиболее важными, — для того чтобы обеспечить предотвращение в будущем возможности германской агрессии.

Разве это недостаточно для того, чтобы иметь право утверждать, как это делает советская делегация, что Совет министров иностранных дел является также инструментом мира и безопасности и что противопоставлять его в этом смысле Совету Безопасности было бы ни на чем не основано, было бы грубым извращением как действительного положения вещей и природы тех правовых основ, которые определяют природу Совета министров иностранных дел, как это записано в международных соглашениях великих держав, решениях Ялтинской и Потсдамской конференций и других решениях, касающихся Германии, принятых на четырехсторонней основе.

Вот, после всего этого нам здесь осмеливаются говорить, что Советский Союз якобы отказывается от признания возможности урегулирования этого вопроса, отказывается от механизма мирного урегулирования.

Из сказанного должно быть ясно, по крайней мере, поскольку идет дело о Германии, что для обеспечения будущего мира и безопасности четырьмя великими державами были созданы специальные четырехсторонние органы (Контрольный совет для Германии и Совет министров иностранных дел). Смысл статьи 107 Устава Организации Объединенных Наций в том именно и состоит, что вопросы послевоенного мирного урегулирования в Германии, вопросы управления Германией и все вопросы, связанные с этим, входят в компетенцию четырехсторонних указанных мною органов: Контрольного совета по Германии и Совета министров иностранных дел.

Кто разрушил эти органы, кто подорвал почву нормальной деятельности этих органов и кто, может быть, теперь собирается добить их окон-

чательно, те и должны нести ответственность за то, что они отказываются, не считаясь с принятыми на себя международными обязательствами, использовать эти органы как инструмент мира и безопасности для Германии.

И это тем более правильно, что у Совета Безопасности есть не мало задач, связанных с поддержанием мира и безопасности в других частях света, с которыми, к сожалению, он до настоящего времени не справился, хотя там действительно имеется угроза миру и безопасности.

Я имею в виду индонезийский вопрос, палестинский вопрос, греческий вопрос... Мало ли у вас, господа члены Совета Безопасности, забот и хлопот по укреплению мира и безопасности, чтобы, игнорируя эти свои прямые обязанности, брать на себя заботу о тех вопросах, для решения которых созданы специальные органы, установлены специальные порядки, опирающиеся на международные соглашения?

Что касается г-на Кадогана, выступавшего вчера и говорившего о статье 107, то он заявил, что в этой статье имеется какая-то двусмысленность и что ее применение не ясно с первого взгляда. Но надо признать, что и со второго и с третьего взгляда, которые бросил на эту статью г-н Кадоган, ясности не прибавилось. Но дело в том, что с этим вообще согласиться нельзя, потому что статья 107 очень ясна, абсолютно ясна. Она не нуждается ни в каких специальных исследованиях источников ее происхождения, уходящих ко времени Думбартон-Окса или Сан-Франциско, о чем здесь вчера также уже говорилось.

Однако поскольку этот вопрос был затронут на вчерашнем заседании, я должен, со своей стороны, также привести небольшую справку о Конференции в Сан-Франциско, которая, может быть, поможет пролить еще один луч света на этот вопрос. Я это делаю для тех, которым, может быть, действительно не все ясно в этом вопросе. Я сослался бы на заявление, которое было сделано в Третьем комитете в Сан-Франциско канадским делегатом, что эта статья 2 главы XII в проекте Устава нашей Организации, которая тогда фигурировала под предварительным наименованием «всеобщей международной организации безопасности», изложена настолько широко — я цитирую дословно заявление канадского представителя, — что представляет возможность изъять из круга деятельности Организации на неопределенное время любое действие, связанное с условиями сдачи и мирными договорами. Я могу сослаться даже на заявление представителя Соединенных Штатов Америки в том же Комитете, который указывал в отношении статьи 2 главы XII на то, что Организация Объединенных Наций не несет ответственности в отношении условий сдачи и мирных договоров.

И это вполне понятно, потому что эту ответственность несут раньше всего пять великих держав, несут раньше всего Совет министров иностранных дел, который и был создан именно для того, чтобы осуществить мирное урегулирование с бывшими вражескими странами, в связи с чем и надо понимать эту статью 107.

Нам могут сказать, что нет мирного договора с Германией, на скорейшем заключении которого

Советский Союз неизменно настаивает, в то время как три западные державы хотят подменить мирный договор каким-то оккупационным статутом. Однако, если мирного договора с Германией нет, то это, в сущности, не меняет дела, потому что есть условия капитуляции Германии, есть декларации о поражении Германии, есть декларация, взятая на себя четырьмя великими державами, о верховной власти в Германии, есть принципиальное и очень важное решение относительно самых основ мирного договора с Германией, есть решения Ялтинской и Потсдамской конференций, определяющие направление всей политики оккупирующих держав в отношении Германии. Этого нельзя отрицать, мимо этого нельзя проходить с той легкостью, с которой некоторые хотят пройти. С этим нельзя не считаться, ибо это не только юридические факты, а это факты громадного политического значения. Это факты, которые содержат в себе в высшей степени ответственные обязательства, принятые на себя четырьмя державами в отношении Германии, обязательства, от которых уйти нельзя и от которых уйти нигде нивкому не удастся.

Г-н Кадоган пошел так далеко в своей интерпретации статьи 107, что выражение, имеющееся в этой статье: «...в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав», он намеревался истолковать таким образом, что эти слова «в отношении» означают акт, в котором вражеское государство является объектом, а не, как он сказал, просто местом действия. Отсюда оба оппонента — и г-н Кадоган, и г-н Джессеп — приходят к заключению, что, поскольку Германия является не объектом тех действий, которые могут быть предметом обсуждения Советом Безопасности, а лишь местом действия, то статья 107 остается в полной силе и никакого отношения к данному случаю не имеет.

Эту мысль здесь сегодня изложил и представитель Сирии, говоривший о так называемой блокаде Берлина — этом мифе, который пущен в оборот, конечно, со специальными целями. Он сказал, что блокада направлена не против Германии, а против других оккупационных властей, и поэтому статья 107 здесь не применима.

Мне припомнился один случай, который, как мне кажется, сможет послужить на пользу нашему правильному пониманию статьи 107. Весной этого года в Бремене произошло событие, которое, вероятно, Совет Безопасности помнит, когда советский полковник Тосоев был похищен американскими властями, был передан английским властям и потом был обнаружен в здании английской разведки в Лондоне. Вот этот самый случай произошел в Бремене, то-есть на территории Германии. Но это случай, который не имеет никакого отношения к статье 107. Это — действие, которое осуществили английские и американские военные власти по отношению к представителю советских военных властей, при чем Германия, говоря языком г-на Кадогана, была только местом действия. Она была только территорией, на которой это действие произошло, и поэтому было бы смешно — если бы попытались в этом случае сослаться на статью 107.

Таким образом, случай похищения советского полковника английскими и американскими властями не имеет никакого отношения к статье 107, и сослаться на эту статью, хотя это и произошло на германской территории, было бы абсолютно лишено всякого основания.

Может быть, этот пример способен пояснить нашу позицию. Но когда речь идет о сепаратно проведенной денежной реформе на территории Германии, то разве можно говорить, что это вовсе не касается Германии?

Так ли действительно обстоит дело, что все те сепаратные мероприятия, которые противоречат, кстати сказать, согласованным решениям, принятым четырьмя державами, не имеют никакого отношения к Германии, что Германия в этих случаях «является лишь местом действия». Если вспомнить, что идет речь о таких действиях, которые являются реализацией решений, принятых в Лондоне в феврале-марте тремя правительствами, в обход Совета министров иностранных дел относительно Германии; когда речь идет о проведении в Германии тремя западными правительствами денежной сепаратной реформы; когда речь идет о вывозе из Берлина оборудования, вопреки всем существующим законам и правилам юридического и морального характера; когда идет речь о целом ряде сепаратных действий, которые нарушают интересы народного хозяйства советской зоны оккупации, интересы населения советской зоны оккупации Германии, когда они подрывают это народное хозяйство Германии, то нам говорят, что — позвольте — это не имеет никакого отношения к Германии. К кому-же это тогда имеет отношение?

Это — говорят — имеет отношение только к оккупационным властям. Но дело в том, что эти действия этих оккупационных властей направлены реально фактически против интересов населения и экономики советской зоны Германии, против согласованных решений, которыми должно определяться и положение этого народного хозяйства Германии и, я бы сказал, даже самые судьбы Германии. Было бы поэтому странным и нелепым утверждать, что такого рода мероприятия являются лишь англо-франко-американскими мероприятиями, не имеющими никакого отношения к Германии, как было бы нелепо утверждать, что те мероприятия — ответные, защитного характера, — которые вынуждены были, ввиду таких обстоятельств, принять советские военные власти в советской зоне оккупации Германии, что эти мероприятия касаются только оккупационных властей и не имеют никакого отношения к Германии.

Значит, когда хотят сепаратной денежной реформой дезорганизовать экономику советской зоны Берлина, то оказывается, что это не имеет никакого отношения к Германии.

Когда, с другой стороны, принимаются меры в защиту экономики, чтобы локализовать опасные и вредные последствия таких мероприятий, то и в этом случае говорят, что и эти защитные меры тоже не имеют никакого отношения к Германии. Но это чистойшей воды софистика; дальше такого рода софизма идти, конечно, некуда, хотя я знаю, что есть охотники дойти до Геркулесовых столбов этой софистики.

Статья 107 говорит о действиях правительств, несущих ответственность в отношении бывшего вражеского государства. Статья 107 говорит, что Устав Организации Объединенных Наций не лишает юридической силы те действия, которые предприняты правительствами, несущими за них ответственность и которые имеют отношение к государствам, бывшим в течение второй мировой войны вражескими государствами. Действительное положение вещей, связанное с незаконными и неправильными сепаратными действиями англо-франко-американских властей и с защитительными, оборонительными мероприятиями, предпринятыми советскими военными властями, имеет прямое отношение к Германии. Они целиком укладываются в понятие статьи 107, и решение этого конфликта и рассмотрение всех вопросов, связанных с ним, должно идти легальным путем, установленным специальными соглашениями о Германии.

Таким легальным путем и должно быть обсуждение этого вопроса в Совете министров иностранных дел. Нам говорят: позвольте, до сих пор четыре державы не могли ни до чего договориться. Но — я спрашиваю это с тем большим основанием, что те, кто говорит это, возражают против того, чтобы берлинский вопрос был связан с общегерманским вопросом — я спрашиваю: когда же и где же велись Советом министров иностранных дел переговоры по поводу берлинского вопроса? Вы ставите вопрос о положении в Берлине, будьте любезны мне предъявить документ, назвать дату, назвать число, назвать участников, назвать, в конце концов, тему, назвать решения, если они приняты Советом министров иностранных дел, обсуждавшим вопрос о положении в Берлине. Я утверждаю, что никто этого вопроса не обсуждал.

Были переговоры в Москве, которые вели представитель г-на Бевина г-н Робертс, американский посол в Москве г-н Смит и французский посол г-н Шатеньо с одной стороны. Эти лица заявили, — это, между прочим, отражено и в ноте трех правительств от 26 сентября, — что переговоры в Москве были ни чем иным, как «informal discussion» (неофициальными переговорами). Больше того, было даже заявлено г-ном Робертсом, что если удастся начать в Москве переговоры и этим самым открыть двери, то ведение переговоров будет поручено, очевидно, более ответственному лицу, чем он. Американский представитель г-н Смит также заявил в Москве, что в задачу послов входит изложение позиций представляемых ими правительств, выяснение позиции советского правительства и обсуждение вопроса о принципиальном согласии на дальнейшие переговоры.

Вы знаете, что ни один из представителей трех западных держав в Москве не имел полномочий вести переговоры. Таким образом Совет министров иностранных дел не обсуждал берлинского вопроса, хотя именно он и призван обсудить этот вопрос в силу соглашений, заключенных между великими державами по Берлину и по Германии.

Сейчас хотят опять обойти Совет министров иностранных дел и обязательно включить этот

вопрос в повестку дня Совета Безопасности. Такая поспешность является очень подозрительной. Мы стоим сейчас перед такой ситуацией, когда законный орган, созданный в порядке международных соглашений четырех великих держав, — Совет министров иностранных дел — игнорируется. Пытаются оправдать это тем, что будто бы имевшие место до сих пор переговоры не привели к положительным результатам, что и вызвало передачу этого вопроса в Совет Безопасности. Но ведь таких переговоров не было.

Переговоры по берлинскому вопросу в Совете министров иностранных дел не имели места. Имели место в Москве предварительные переговоры, — «informal discussion» — неофициальная дискуссия. Совет министров не сказал своего слова.

Разве не правы мы в этом случае, те кто говорят, что три правительства, обратившиеся в Совет Безопасности преследуют цели, не имеющие ничего общего с действительным стремлением к урегулированию германского вопроса?

Я уже не касаюсь вопроса об угрозе миру и безопасности, якобы созданной положением в Берлине. Этот вопрос надо считать совершенно ясным. Ясным является полная необоснованность ссылок представителей трех западных правительств на мнимую угрозу миру и безопасности, на угрозу голода, на какие-то насильственные меры, при помощи которых советское правительство желает будто бы свергнуть какой-то муниципалитет. Это опровергнуто нотой советского правительства от 3 октября и я поэтому не вижу необходимости дальше останавливаться на этом вопросе.

В виду изложенных соображений советское правительство считает неправильным включение берлинского вопроса в повестку дня Совета Безопасности. Советская делегация возражает против этого предложения.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (*говорит по-французски*): Господин Председатель, несколько минут тому назад вы объявили свое заключение по поводу сделанных мною на вчерашнем заседании [361-е заседание] замечаний к порядку ведения заседаний. Я вполне готов подчиниться вашему решению. Я учитываю тот факт, что я не настаивал на том, чтобы вы объявили свое заключение по поднятому мною вопросу.

Тем не менее, я позволю себе заметить, что события доказывают полную обоснованность замечаний, высказанных мною относительно порядка ведения заседания. Совет Безопасности занялся обсуждением берлинского вопроса, не дожидаясь внесения этого вопроса на повестку дня. Здесь говорили о том, что нелогично утверждать повестку дня, не зная, входит ли в компетенцию Совета Безопасности обсуждение вопроса, предложенного для внесения на повестку дня. Я задаю себе вопрос, является ли в действительности более логичным тратить два заседания на обсуждение вопроса, не включенного даже в повестку дня. Зачем иметь повестку дня в данном случае, и не будет ли более удобным обойтись без повестки дня в будущем? Не противоречат ли здравому смыслу разговоры о том, что вопрос этот не включен в повестку дня, в то время как

обсуждению этого вопроса посвящены уже два заседания?

Но все эти вопросы являются вопросами метода, вопросами сравнительно менее важными, чем обсуждаемый нами теперь вопрос. Поскольку вопрос о компетенции фактически обсуждается, я намерен, в свою очередь, объяснить в общих чертах позицию, занимаемую нашей делегацией по этому вопросу.

Главный аргумент, выдвинутый против того, что вопрос этот входит в компетенцию Совета Безопасности, опирается на статью 107 Устава Организации. Я присоединяюсь к мнению, выраженному некоторыми моими коллегами; я считаю, что эта статья не применима в данном случае. В действительности, как это было ясно показано, эта статья оказалась бы применимой, если бы мы имели дело с действием, направленным против бывшего вражеского государства. Но Совету Безопасности предлагают теперь рассмотреть мероприятия, которые, говорят, направлены против трех протестующих правительств, являющихся членами Организации Объединенных Наций. Поэтому неправильно учреждать, что положение, предусмотренное статьей 107 Устава, имеется налицо в данном случае и что, поэтому, компетенция Совета Безопасности в ситуациях, связанных с более или менее серьезным положением, как это предусмотрено в Уставе, теряет свою силу.

Такой вывод диктуется не только положениями Устава. Этот вывод диктуется также обыкновенным здравым смыслом. Как может Организация Объединенных Наций выполнять свою основную задачу — поддержание международного мира и безопасности, — если главные члены Организации будут иметь право прибегать к угрозам или к применению силы, поскольку это будет происходить на немецкой территории или на территории любого бывшего вражеского государства?

Вчера, и сегодня в только-что произнесенной блестящей речи, г-н Вышинский противопоставил компетенцию правительств, ответственных за оккупацию Германии, и компетенцию Совета министров иностранных дел компетенции Совета Безопасности, он сослался на соглашения, заключенные между правительствами, ответственными за оккупацию Германии.

Я не думаю, что можно согласиться с подобного рода аргументом. В принципе компетенция Совета не допускает никаких исключений, кроме исключений, предусмотренных в положениях Устава, иначе говоря, в положениях, относящихся ко всем членам Организации. Устав есть коллективное соглашение, заключенное с целью обеспечения мира, что для подписавших Устав государств связано с вопросами публичного международного права и порядка. Действия по частным соглашениям не могут препятствовать соблюдению этого коллективного соглашения, за исключением тех случаев, когда сам Устав предусматривает возможность таких действий по частным соглашениям. Но не было доказано, однако, что мы имеем дело с таким случаем и что компетенция Совета Безопасности, таким образом, не распространяется на этот вопрос.

В прошлом члены Совета Безопасности и — если память мне не изменяет — в особенности представитель СССР осуждали других членов за разрешение некоторых международных вопросов не через посредство компетентных органов Объединенных Наций.

Собираемся ли мы игнорировать Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в отношении представленного на наше рассмотрение спора? Правда, г-н Вышинский оспаривает серьезность стоящего перед нами вопроса. Но большинство общественного мнения, мирового мнения, не разделяет его точки зрения. Вопрос этот считается наиболее опасным спором из всех споров, возникших со времени создания Организации Объединенных Наций. Можно ли допустить, что такой спор не касается органа, который согласно положениям Устава несет на себе главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности?

Я не думаю, что следует добавлять что-либо к этому в данный момент. По только-что указанным мною соображениям, делегация Бельгии утверждает повестку дня и считает, что Совет Безопасности компетентен рассматривать вопросы, включенные в эту повестку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-испански): Я поставлю теперь на голосование первый пункт, а именно — утверждение повестки дня. Но прежде чем мы приступим к голосованию, я, выступая в качестве представителя Аргентины, желал бы весьма кратко разъяснить свою позицию.

Моя делегация с большим интересом рассмотрела положения и правила, касающиеся повестки дня и ее утверждения. Они ясно изложены в правиле 6 временных правил процедуры и в правилах 7, 8 и 9, которые следует рассматривать в таком порядке, ввиду того что они тесно связаны друг с другом.

Возможно, что мне не следовало бы напоминать об этих положениях членам Совета Безопасности, так как они хорошо с ними знакомы; но мне представляется уместным огласить их для сведения публики. Я сделаю это, имея это в виду, но, разумеется, не для того, чтобы ознакомить с ними членов Совета Безопасности.

Правило 6 гласит: «Генеральный Секретарь немедленно обращает внимание всех представителей в Совете Безопасности на все сообщения, получаемые им от государств, органов Объединенных Наций или исходящие от него самого, относительно любого вопроса, представляемого на рассмотрение Совета Безопасности в соответствии с положениями Устава».

Правило 7 предусматривает порядок составления повестки дня. Оно гласит: «Предварительная повестка дня каждого заседания Совета Безопасности составляется Генеральным Секретарем и утверждается Председателем Совета Безопасности».

В эту предварительную повестку дня могут быть включены лишь те вопросы, на которые было обращено внимание представителей Совета Безопасности в соответствии с правилом 6, вопросы, предусмотренные правилом 10, или вопросы, рассмотрение которых было отложено Советом ранее».

Правило 8 гласит: «Предварительная повестка дня заседания сообщается Генеральным Секретарем представителям в Совете Безопасности не менее чем за три дня до заседания, но при срочных обстоятельствах она может быть сообщена одновременно с извещением о заседании».

Наконец правило 9 гласит: «Первым пунктом предварительной повестки дня каждого заседания Совета Безопасности является утверждение этой повестки дня».

Текст этих правил может быть истолкован буквально; они настолько ясны сами по себе, что не нуждаются в каких-либо разъяснениях, чтобы понять их точный смысл. Они вполне определенно показывают, что нет необходимости ссылаться на другие положения, с тем чтобы разъяснить все вопросы, связанные с утверждением повестки дня.

С должным уважением к взглядам членов Совета, не разделяющих моей точки зрения, я утверждаю, что эти правила вполне ясно выражают то, что понимается под повесткой дня.

Как должен Совет Безопасности подходить к вопросу об утверждении повестки дня? Должен ли Совет рассматривать этот вопрос с процедурной точки зрения или базировать свое заключение на вопросах существа, компетенции и юрисдикции, на вопросах, почти все из которых совершенно различны и вполне независимы друг от друга в публичном праве? В действительности, Совет должен руководствоваться формальными процедурными положениями; иначе говоря, следует сначала эти вопросы представить, а затем сообщить их всем членам Совета Безопасности, и соответствующая повестка дня должна быть составлена Генеральным Секретарем, утвержденна Председателем и разослана членам Совета Безопасности.

Делегация Аргентины считает, что все формальные требования в связи с утверждением повестки дня полностью соблюдены и что нет надобности затрагивать вопросы компетенции, юрисдикции или существа для того, чтобы решить, должна ли эта повестка дня быть одобрена или отклонена.

Делегация Аргентины будет поэтому голосовать за утверждение повестки дня, но, голосуя таким образом, не выражает своего мнения по вопросам компетенции, юрисдикции или существа.

Я ставлю теперь на голосование первый пункт. Как только закончится перевод моего заявления, я попрошу членов Совета поднять руку, если они желают утвердить повестку дня.

Производится голосование поднятием рук.

Повестка дня утверждается большинством 9 голосов против 2.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Если нет возражений, мы могли бы закрыть настоящее заседание и собраться завтра утром в 10 ч. 30 м. до 12 ч. дня и от 3 ч. до 6 ч. дня.

Слово имеет теперь представитель Союза Советских Социалистических Республик.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): В связи с принятым сейчас большинством Совета Безопасности решением включить в повестку дня Совета Безопасности берлинский вопрос, советская делегация считает необходимым сделать следующее заявление:

Советское правительство в своей ноте от 3 октября указало на то, что заявление правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции о том, что будто бы в Берлине создалась ситуация, представляющая угрозу миру и безопасности, не имеет под собой никаких оснований.

Советское правительство в этой ноте указало, что правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции игнорировали свои обязательства подвергнуть спорные вопросы по Германии и Берлину рассмотрению Совета министров иностранных дел, в компетенцию которого, как известно, входит урегулирование подобного рода дел.

Со своей стороны советская делегация в течение вчерашнего и сегодняшнего заседаний представила свои соображения против включения берлинского вопроса в повестку дня Совета Безопасности.

Советская делегация заявляет от имени советского правительства, что принятие большинством Совета Безопасности настоящего вопроса к рассмотрению является нарушением статьи 107 Устава, согласно которой этот вопрос подлежит решению тех правительств, которые несут ответственность за оккупацию Германии, и не подлежит передаче в Совет Безопасности.

Ввиду вышеизложенного советская делегация заявляет, что она не будет принимать участия в обсуждении берлинского вопроса в Совете Безопасности.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Так как я просил Председателя включить меня в список ораторов, я просто желаю заявить, что ввиду выказанного им соображения, я вполне готов принять его предложение и выступить завтра утром, а не теперь.

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ (Украинская Советская Социалистическая Республика): Делегация Украинской Советской Социалистической Республики, в силу изложенных представителем Союза Советских Социалистических Республик в Совете Безопасности мотивов, присоединяется к советскому заявлению и не примет участия в дискуссии по этому вопросу, поскольку это нарушает Устав Объединенных Наций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Я уже предложил закрыть настоящее заседание и собраться два раза завтра — от 10 ч. 30 м. до 12 ч. дня, если представители с этим согласны, а затем опять — от 3 ч. до 6 ч. дня. Так как нет возражений, предложение считается принятым.

Заседание закрывается в 5 ч. 35 м. дня.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoria Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cía. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongabe Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundssonar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramirez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Spoldzielna Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznanska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris V^e

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topič
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sta.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban